

Сердце Ли Цзюнь похолодело. Она сдержала свое унижение и пристально посмотрела на Ван Цзиньхуэй:

- Ван Цзиньхуэй, я предупреждаю тебя. Если ты посмеешь оскорбить меня сегодня, я... Убью тебя! Почувствовав неимоверный страх, она стала обращаться к нему на ты, хотя ее всегда учили с уважением относиться к семье Ван, с самого детства.

- Что ты делаешь? Ты нарушаешь покой и тишину! Внезапно раздался нетерпеливый мягкий мужской голос, вовремя остановивший надвигающийся поцелуй Ван Цзиньхуэй с молодой девушкой:

- Это просто жарко для глаз. Молодой мастер Ван, ваш отец знает, что вы здесь? Вы хотите, чтобы я пригласил вашего отца сюда, чтобы он мог увидеть это сам, своими глазами?

Стовшие рядом мужчина и женщина вдвоем одновременно подняли глаза и увидели Лю Чжицю, стоящего рядом с ближайшим стогом сена, держащегося одной рукой за голову и смотрящего на них с крайним неудовольствием.

Он выглядел так, как будто действительно не мог вынести шума и мог только говорить громче.

Увидев его, Ли Цзюнь расслабилась всем телом. В присутствии кого-то другого Ван Цзиньхуэй, конечно, не посмел бы продолжать унижать ее. Однако то, что только что произошло, все еще заставляло ее сердце трепетать и дрожать.

Ван Цзиньхуэй был ошеломлен и насильно отпустил ее. Он тут же отбросил руку, сжимавшую ее запястье и сделал несколько больших шагов назад.

Ван Цзиньхуэй нахмурился, затем улыбнулся и сказал:

- Ты внук семьи Лю, верно? Извини тогда. Я только что играл со своей невестой и не хотел нарушать покой молодого мастера Лю. Я сейчас уйду. Если позже будет возможность, я угощу Молодого мастера Лю выпивкой.

Сказав это, Ван Цзиньхуэй развернулся и ушел.

Он боялся не семьи Лю, а своего отца, который страстно желал заключить сделку с семьей Лю. Если бы он причинил какие-либо неприятности, чтобы досадить семье Лю на данном этапе, это было бы вредно для его отца, тогда ему пришлось бы нелегко.

Разум его отца уже был пристрастен к первой ветви, поэтому он не мог потерять общую картину из-за пустяка.

Если бы его отец в порыве ярости лишил его денег, как бы он все еще мог веселиться?

Что касается этой маленькой сучки, Ли Цзюнь, у него будет еще много возможностей заставить ее быть с ним позже. Семья Ли была настроена на постоянное взаимодействие с ними, так что она не могла убежать. Рано или поздно она окажется игрушкой в его руках.

В данный момент не было никакой спешки.

С учетом этого в глазах Ван Цзиньхуэй мелькнуло злое и безжалостное выражение и он мрачно усмехнулся.

С уходом этого человека место очистилось. Лю Чжицю взглянул на женщину, стоявшую внизу,

и откинулся на солому.

Он столкнулся с такой плохой вещью, даже если бы спрятался на досуге, так что он и эта женщина, скорее всего, были рождены, чтобы сдерживать друг друга. Ничего хорошего не случилось всякий раз, когда он встречал ее.

- Эй, если тебе больше нечего делать, уходи быстро. Не нарушай здесь покой. Девушка, бегающая вокруг - у тебя вообще нет никакого чувства опасности.

Высказав критику, Лю Чжицю закрыл глаза и проигнорировал движение вниз.

Ли Цзюнь не двигалась, некоторое время стояла на месте, затем медленно присела на корточки и начала тихо всхлипывать. Ее голос был неслышен и чрезвычайно сдержан, но один или два звука все же просочились наружу. Понемногу, прерывисто; это было совершенно неприятно для уха.

- Ву, ву-ву...

- Ву-ву, ву...

Лю Чжицю замолчал ... Это было просто волшебство для ушей.

Он спрыгнул вниз и уверенно приземлился на ноги:

- Я говорю, если ты хочешь плакать, можешь поплакать где-нибудь в другом месте? Ты это нарочно делаешь?

Черт возьми, что он с ней сделал? Ей просто нужно было расплакаться именно перед ним!

Неужели в этом районе не было другого места, где она могла бы стоять и плакать?

Выругавшись, он перевел взгляд на женщину и обнаружил, что она вся дрожит.

Она сидела там, свернувшись в клубок, совершенно миниатюрная и маленькая, выглядя такой хрупкой и жалкой.

Ее плач раздражал его.

Он никогда не слышал, чтобы кто-то так сильно плакал.

- Чего еще ты хочешь? Я просто помог тебе, так что не забегай вперед.

Ли Цзюнь заплакала еще громче, как будто хотела выплакать все обиды, которые она перенесла.